

Вавилонская библиотека

By this art you may contemplate the variation of the 23 letters...

The Anatomy of melancholy, part 2, sect. II, mem. IV

Вселенная (другие называют её Библиотекой) состоит из неопределённого, и возможно, бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами в центре, ограждёнными низкими поручнями. Из каждого шестигранника видны уходящие вниз и вверх этажи — неограниченно. Устройство галерей неизменно. Двадцать полок, по пять на каждой стороне, закрывают все стороны, кроме двух; высота галереи, она же — высота этажа, едва превышает рост обычного библиотекаря. В одной из свободных сторон имеется узкая арка, ведущая в другую галерею, идентичную с первой и со всеми прочими.¹ Справа и слева от этой арки расположены две крохотные кабинки. В одной можно спать стоя; в другой — удовлетворять естественные потребности. Рядом находится спиральная лестница, уводящая вниз и вверх. В проходе висит зеркало, надёжно удваивающее внешний облик вещей. Основываясь на наличии зеркал, люди обычно заключают, что Библиотека не является бесконечной (ведь если бы она была таковой, зачем тогда это иллюзорное удвоение?); я предпочитаю грёзы о том, что полированные поверхности выражают и сулят бесконечность... Источником скудного непрерывного света служат округлые светильники. В каждом шестиграннике их два, один против другого.

Как и все обитатели Библиотеки, в юности я странствовал; целью моего паломничества были поиски книги, возможно — каталога каталогов; сейчас, когда мои глаза с трудом разбирают написанное, я готов умереть в нескольких милях от шестигранника, в котором родился. Мёртвому, мне будет достаточно милосердных рук, которые перебросят меня за ограждение; моей могилой станет бездонный воздух; моё тело будет разрушаться и рассеиваться в долгом падении под действием бесконечного ветра. Я настаиваю на том, что библиотека безгранична. Идеалисты утверждают, что шестиугольные залы представляют собой необходимую форму абсолютного пространства, или, по крайней мере, нашей интуиции пространства. Они доказывают, что треугольная или пятиугольная зала невообразимы. (Мистики притязают на то, что в экстазе им открывается круглая камера с огромной круглой книгой, корешок которой опоясывает стены по кругу; однако их свидетельства сомнительны, слова темны. Эта круглая книга есть Бог.) Будет достаточно, если я повторю классическое изречение: *Библиотека — это сфера, точный центр которой находится в любом шестиграннике, а окружность недоступна.*

На каждой из стен каждого шестигранника находятся пять полок; на каждой полке стоят тридцать две книги одного формата; в каждой книге четыреста десять страниц; на каждой странице сорок строк; в каждой строке около восьмидесяти букв чёрного цве-

¹ Между прочим, отсюда следует, что на каждом этаже Библиотеки имеется всего две галереи — ведь если из первой проход ведёт во вторую, то и из второй — в первую, и только. Так что Библиотека, как её описывает Борхес, бесконечна только по вертикали. (Примечания к этому рассказу, набранные красным, принадлежат переводчику, набранные чёрным — самому Борхесу.)

та.² Буквы имеются и на корешке каждой книги, однако они не обозначают и не предваряют того, о чём говорят страницы.³ Я знаю, что это несоответствие временами представлялось загадочным. Прежде чем изложить решение (открытие которого, несмотря на его трагические следствия, является едва ли не важнейшим событием истории), я хочу напомнить несколько аксиом.

Аксиома первая: Библиотека существует *ab aeterno*. В этой истине, немедленным следствием которой является грядущая вечность мира, не может усомниться ни один мыслящий ум. Человек, несовершенный библиотекарь, может быть творением случая или злонамеренных демиургов; вселенная, с её элегантно оснащёнными полками, с загадочными томами, с непрерывными лестницами для путешественника и с туалетами для сидящего библиотекаря, может быть только творением бога. Чтобы уяснить дистанцию между божественным и человеческим, достаточно сопоставить эти грубые знаки, которые моя неверная рука выводит на обложке книги, с гармоничными буквами внутри её: точными, изысканными, наичернейшими, неподражаемо симметричными.

Аксиома вторая: *Число орфографических знаков равно двадцати пяти*.⁴ Триста лет назад на основе этого факта была построена общая теория Библиотеки и удовлетворительно разрешена проблема бесформенной и хаотической природы почти всех книг, с которой не справлялись никакие другие предположения. Книга, которую мой отец видел в шестиграннике округа пятнадцать девяносто четыре, состояла из букв М С V, зловредно повторявшихся от первой строки до последней. Другая (весьма популярная в этой области), представляла собой чистый лабиринт букв, однако предпоследняя страница гласила: *о время, твои пирамиды*. Давно известно: на каждую разумную строку или содержательное сообщение приходится мили бессмысленной какофонии, словесного хлама и бессвязностей. (Мне известен один дикий край, где библиотекари отвергли суеверную и тщетную привычку искать в книгах смысл, считая, что с таким же успехом можно искать его во снах или в линиях руки... Они допускают, что изобретатели письма могли подражать двадцати пяти природным знакам, однако считают, что это совпадение случайно и что сами книги лишены какого-либо содержания. Это суждение, как мы сейчас увидим, не лишено оснований.)

В течение долгого времени считалось, что эти непроницаемые книги соответствуют языкам прошлого или далёких краёв. В самом деле, язык древних людей, первых библиотекарей, весьма отличался от того, на котором говорим мы сегодня; верно и то, что в нескольких милях справа язык является диалектом нашего, а девяносто этажами выше он совсем непонятен. Всё это, повторяю, правда, однако четыреста десять страниц неизменных М С V не могут соответствовать никакому языку, каким бы диалектным или рудиментарным он не был. Некоторые намекали на то, что каждая буква может влиять на следующую за ней, и что значение М С V в третьей строке 71 страницы не то же самое, которое эта последовательность может иметь в другой позиции на другой странице, однако этот смутный тезис не дал плодов. Другие думали о тайнописи; в целом эта

² В каждой книге содержится $410 \times 40 \times 80 = 1312000$ знаков.

³ Названий книг, как не трудно понять, несравненно меньше, чем самих книг. Так что поистине неисчерпаемое множество книг носит одно и то же название.

⁴ Рукопись в оригинале не содержит чисел и прописных букв. Пунктуация ограничена запятой и точкой. Эти два знака, пробел и двадцать две буквы алфавита суть те двадцать пять достаточных символов, о которых говорит неизвестный. (Примечание редактора).

догадка была принята, однако не в том смысле, какой вкладывали в неё те, кто её сформулировал.⁵

Пятьсот лет назад начальник одного верхнего шестигранника⁶ обнаружил книгу столь же путаную, как и все прочие, однако содержащую почти два листа однородных строк. Он показал свою находку бродячему дешифровщику, который сказал ему, что эти строки написаны на португальском; другие говорили, что это идиш. Век спустя язык был опознан: самоедско-литовский диалект гуарани, с влияниями классического арабского. Было расшифровано и содержание: заметки по комбинаторному анализу, с примерами вариаций с неограниченным повторением. Эти примеры позволили одному гениальному библиотекарю открыть основной закон Библиотеки. Этот мыслитель обратил внимание на то, что все книги, сколь бы различны они не были, состоят из одинаковых элементов: пробела, точки, запятой, двадцати двух знаков алфавита.⁷ К этому был добавлен факт, подтверждаемый всеми путешественниками: *Во всей обширной Библиотеке нет двух одинаковых книг*. Основываясь на этих бесспорных предпосылках, я заключаю, что Библиотека является полной, и что её полки заключают в себе все различные комбинации двадцати с лишним орфографических знаков (число хотя и огромнейшее, но не бесконечное⁸), или всё, что только можно выразить: на всех языках.

Всё: детальная история будущего, автобиографии архангелов, истинный каталог библиотеки, тысячи и тысячи ложных каталогов, доказательство ложности этих каталогов, доказательство ложности истинного каталога, гностическое евангелие Василида, комментарий на это евангелие, комментарий к комментарию на это евангелие, правдивое описание твоей смерти, перевод каждой книги на все языки, влияние каждой книги

⁵ Следует заметить, что всего двух знаков — точки и тире, нуля и единицы и т. п. — достаточно для передачи любой информации.

⁶ Раньше на каждые три шестиугольника приходился один человек. Самоубийства и болезни лёгких нарушили это соотношение. Воспоминание невыразимой меланхолии: иногда я долгими ночами странствовал по коридорам и до блеска отполированным лестницам, не встретив ни одного библиотекаря.

⁷ 22 — число букв иврита. Ср. *Сефер Йецир* («Книга творения»):

«Двадцать две основные буквы впечатал, вырубил, сочетал их, взвесил и заменил. И сформировал всё создание ими, всё что будет когда-либо сформировано <...> Двадцать две основные буквы, установил колесом их, как стену с 231 вратами, колесо повторяется спереди и сзади» (II, 2–4).

Здесь $231 = \frac{22 \cdot 21}{2}$ есть число парных сочетаний во множестве из 22 элементов.

«2 камня выстраивают 2 строения, 3 камня выстраивают 6 строений, 4 камня выстраивают 24 строения, 5 камней выстраивают 120 строений, 6 камней выстраивают 720 строений, 7 камней выстраивают 5040 строений. Отсюда и далее иди и высчитывай то, что уста не могут произнести и не может услышать ухо» (IV, 16).

⁸ Считая, что пробелы, точки и запятые могут повторяться и идти друг за другом в любом количестве, это число можно представить как $25^{1312000} \approx 10^{1834097,3} \approx 10^{10^{6,26}}$. Для записи этого числа в десятичной системе счисления требуется $1834098 : 1312000 \approx 1,4$ книги Библиотеки.

В Библиотеке имеется огромное множество книг, которые начинаются фразами типа: «Пятьсот семнадцать тысяч триста шестьдесят седьмая цифра числа истинных книг в десятичной системе счисления есть пятёрка». Эти фразы перечисляют все верные цифры рассматриваемого числа, равно как и все ложные версии; но внутри библиотеки не существует никакого ключа, позволяющего отличить хотя бы одно истинное утверждение от ложного. Ведь если такой ключ и существует, то кроме него имеются и ложные ключи! И нужен ключ, чтобы отличить истинный ключ от ложного, etc. ad inf.

Заметим, что все книги Библиотеки не могут вобрать в себя бесконечного — например, всех цифр числа π . Для этой цели потребна одна книга с бесконечным числом страниц, каковая и описана в рассказе Борхеса *Книга песка*.

на все книги, трактат по мифологии саксов, который мог написать (и не написал) Беда Достопочтенный, утраченные книги Тацита.

Когда было провозглашено, что Библиотека содержит в себе все книги, сначала возникло ощущение безудержной радости. Все люди почувствовали себя владельцами нетронутого и тайного сокровища. Не было такой личной или мировой проблемы, у которой не имелось бы убедительного решения: в одном из шестигранников. Вселенная была оправдана, вселенная внезапно оказалась безграничной территорией надежды. В то время много говорили об Оправданиях: книгах апологетических и пророческих, которые навсегда оправдывали деяния всякого человека во вселенной и хранили чудесные тайны его будущего. Тысячи алчущих покидали сладостный родной шестигранник и устремлялись вверх по лестницам, гонимые тщетным намерением отыскать своё Оправдание. Эти паломники диспутировали в узких коридорах, раздражались тёмными проклятиями, душили друг друга на божественных лестницах, швыряли лживые книги в туннели, умирали, сброшенные в эти же туннели жителями дальних краёв. Другие сошли с ума... Оправдания существовали (я видел два, относившиеся к людям будущего, быть может и не вымышленным), однако искатели не помнили, что вероятность повстречать своё собственное, или даже какую-нибудь его вероломно изменённую версию, практически равна нулю.

Тогда же ждали прояснения основных тайн человечества: возникновения Библиотеки и времени. Быть может, эти сокровенные тайны и выразимы в словах: если не хватит языка философов, многообразная Библиотека произведёт на свет необходимый неизречённый язык, а также его словари и грамматики. Вот уже четыре века, как люди странствуют по шестигранникам... Имеются искатели официальные, *инквизиторы*. Я видел их при исполнении служебных обязанностей: они всегда приходят усталые; говорят о лестнице без ступенек, которая чуть их не погубила; беседуют о галереях и лестницах с библиотекарем; иногда берут ближайшую книгу и листают её в поисках нечестивых слов. Очевидно, что никто ничего не рассчитывает найти.

За непомерной надеждой естественно последовало глубокое разочарование. Уверенность в том, что некая полка в некоем шестиграннике содержит нужные книги, однако эти нужные книги являются недоступными, казалась почти невыносимой. Одна богохульная секта призвала людей прекратить поиски и заняться перетасовкой букв и знаков, пока эти канонические книги не возникнут как невероятный дар случая. Власти почувствовали себя обязанными отдать некоторые распоряжения. Секта рассеялась, однако в детстве я видел стариков, которые надолго запирались в туалетах с металлическими дисками в запретном стаканчике, и бессильно подражали божественному беспорядку.

Другие, напротив, верили, что в первую очередь надо ликвидировать ненужные книги. Они наводняли шестигранники, предъявляли свои документы, не всегда фальшивые, с отвращением перелистывали страницы и приговаривали к уничтожению полку за полкой: их гигиеническая и аскетическая одержимость привела к бессмысленному уничтожению миллионов томов. Имя их проклято; и всё же те, кто оплакивает «сокровища», уничтоженные их неистовством, не учли двух очевидных обстоятельств. Первое: Библиотека столь огромна, что любое человеческое вмешательство оказывается бесконечно малым. Второе: каждый экземпляр уникален и незаменим, однако (поскольку Библиотека является полной) у него всегда найдутся сотни тысяч несовершенных

копий, отличающихся от оригинала не более чем одной буквой или запятой.⁹ Вопреки общему мнению я осмелюсь предположить, что последствия нанесённых Очистителями утрат сильно преувеличены из-за того ужаса, который вызывали эти фанатики. Их вело безумное желание захватить книги Пурпурного Шестигранника — меньшего, чем обычно, формата, всемогущие, иллюстрированные и волшебные.

Известно ещё одно суеверие того времени: Человек Книги. На некоей полке в некоем шестиграннике (рассуждали люди) должна стоять книга, которая представляет собой ключ и полный компендиум *всех остальных*: некий библиотекарь обнаружил её и уподобился богу. В языке этих краёв всё ещё сохраняются следы культа этого далёкого служителя. Многие странствовали в Его поисках. Целое столетие они понапрасну устремлялись то в одном, то в другом направлении. Как определить местонахождение тайного священного шестигранника, в котором он пребывает? Некто предложил возвратный метод: Чтобы обнаружить книгу А, следует найти книгу В, в которой указано её место; чтобы обнаружить книгу В, следует найти книгу С, и так до бесконечности...¹⁰ В таких авантюрах я растратил и расточил свои годы. Мне не кажется невероятным, чтобы на одной из полок вселенной стояла всеобъемлющая книга;¹¹ я молю неведомых богов, чтобы человек — один-единственный, пусть на это уйдут тысячелетия! — изучил её и прочитал. Если почести, мудрость и счастье мне не суждены, пусть они будут для других. Пусть существуют небеса, даже если мне уготовано место в преисподней. Пусть я буду обеспечен и уничтожен, лишь бы на один миг, в одном существе Твоя гигантская Библиотека нашла своё оправдание.

Нечестивцы утверждают, что беспорядок в Библиотеке естественен и что всё разумное (и даже смиренная и чистая связь вещей) представляет собой почти случайное исключение. Говорят (мне об этом известно) о «Библиотеке, чьи случайные тома, вовлечённые в лихорадочную и непрерывную карточную перетасовку, всё подтверждают, всё отрицают и всё перемешивают, словно обезумевшее божество». Эти слова, которые не только провозглашают беспорядок, но ещё и выставляют его за образец, явно выдают свой низкий вкус и отчаявшееся безразличие. В действительности Библиотека включает в себя все словесные структуры, все перестановки, которые допускают двадцать пять орфографических знаков, а не одну лишь абсолютную бессмыслицу. Нет нужды говорить о том, что лучшая книга в находящихся под моей опекой шестигранниках называется *Причёрсанный гром*, другая — *Гипсовая судорога*, и ещё одна — *Аксаксаксак млё*. Эти названия, на первый взгляд бессвязные, несомненно имеют криптографическое или аллегорическое оправдание; это оправдание выразимо в словах и, *ex hypotesi*, уже находится в Библиотеке. Я не могу поставить одну за другой буквы

дхцмрлчтдй

⁹ Число копий с *одной* печаткой равно $24 \times 1312000 = 31488000$.

¹⁰ Зададимся вопросом, насколько книги Библиотеки могут ссылаться на другие книги? Число названий существенно меньше числа книг, поэтому ссылаться на названия нет смысла. Получается, что надо ссылаться на номер книги. Но 25-чный номер книги — это и есть сама книга, все её знаки, от первого до последнего. Так что точная ссылка на произвольную книгу оказывается невозможной!

¹¹ Повторяю: одной лишь возможности книги достаточно для её существования. Не существует лишь невозможное. К примеру: ни одна книга не является лестницей, хотя несомненно имеются книги, которые обсуждают, опровергают и доказывают эту возможность, а также другие, схожие по своей структуре с устройством лестницы.

без того, чтобы они не были предусмотрены божественной Библиотекой, и чтобы на одном из её сокровенных наречий они не несли в себе грозный смысл. Никто не может высказать ни единого слога, который не был бы исполнен нежности и страха, и не оказался на каком-то из её языков могущественным именем бога. Говорить — значит впасть в тавтологии. Моё бесполезное многословное писание уже существует в одном из тридцати томов на одной из пяти полок в одном из неисчислимых шестигранников — и его опровержение тоже. (Некое число n возможных языков пользуется одним и тем же словарём; слово *библиотека* допускает правильное определение *вездесущая и неизменная система шестигранных галерей*, но *библиотека* означает также *хлеб* или *пирамида* или что-нибудь ещё, и шесть определяющих её слов имеют другие значения. Ты, читающий меня, уверен ли, что понимаешь мой язык?)

Привычка писать вырывает меня из обычного людского состояния. Уверенность, что всё уже написано, уничтожает нас или лишает фантазий. Мне известны области, в которых молодые люди падают ниц перед книгами и варварски лобызают их страницы, однако не умеют разобрать ни единого слова. Эпидемии, еретические раздоры, паломничества, неизбежно превращавшиеся в разбойничьи набеги, уменьшили население в десятки раз. Надо упомянуть и самоубийства, с каждым годом всё более частые. Возможно, меня обманывают старость и страх, но всё же мне кажется, что человеческий род — единственный — близок к исчезновению, а Библиотека пребудет во веки веков: освещённая, одинокая, бесконечная, абсолютно неподвижная, укомплектованная строгами томами, бесполезная, нерушимая, тайная.

Я только что написал: *бесконечная*. Это прилагательное я вставил не из привычки к риторике; я говорю, что мыслить мир бесконечным не алогично. Те, кто считает его конечным, тем самым допускают, что в удалённых краях коридоры, лестницы и шестигранники могут непостижимым образом закончиться — но это абсурдно. Те, кто полагает его не имеющим пределов, забывают о том, что возможное число книг конечно. Я осмелюсь предложить такое решение древней проблемы: *Библиотека безгранична и периодична*. Если бы вечный странник стал пересекать её в произвольном направлении, по истечении веков он обнаружил бы, что те тома повторяются в том же беспорядке (воспроизводимый раз за разом, он становится порядком: Порядком). Моё одиночество утешается этой утончённой надеждой.¹²

Mar de Plata, 1941

¹² Летисия Альварес де Толедо заметила, что эта обширная Библиотека избыточна; хватит *одной книги* обычного формата, с кеглем в девять или десять пунктов, которая будет собрана из бесконечного количества бесконечно тонких листов. (Кавальери, в начале XVII столетия, сказал, что всякое твёрдое тело представляет собой суперпозицию бесконечного количества плоскостей.) Этот шёлковистый *вадемекум* неудобен в пользовании: каждый лист как бы раздваивается на другие такие же; непостижимый центральный лист не имеет оборотной стороны.*

* Листы такой книги не обязаны быть бесконечно тонкими — каждый отдельный лист может иметь конечную толщину, которая убывает от листа к листу в геометрической прогрессии.